

Наталья Мозилова

18+

Однажды в деревне

рассказы

Наталья Мозилова

Однажды в деревне.
Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Мозилова Н. В.

Однажды в деревне. Сборник рассказов / Н. В. Мозилова —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Сборник "Однажды в деревне" окунёт вас в мир русского села: противоречивый, очаровательный, уютный. Автор книги постарался показать щемящую радость прошлого и парадоксальность настоящего. Период повествования - начало 90-х - наши дни. Если у вас было деревенское детство, если ваши бабушки там живут до сих пор, если вам хочется на мгновение вырваться из обыденного мира и вспомнить вкус парного молока - эта книга ваш верный путеводитель. Для широкого круга читателей.

Содержание

СЕЛЬСКАЯ ИРОНИЯ СУДЬБЫ	5
ВЕЛЕСОВ ХУТОР	9
ОДНАЖДЫ В ДЕРЕВНЕ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

СЕЛЬСКАЯ ИРОНИЯ СУДЬБЫ

1.

Семьдесят седьмую годовщину революции семья Расторгуевых и их гости встречали в бане. Это не было традицией. Каждый год седьмого ноября они не собирались на скамейках и полах. Они не ходили в простынях, как в тогах и не цитировали под пиво Ленина. Так распорядился случай.

Седьмое ноября – большой праздник в деревне. Кто не бывал в селе на Октябрьскую, считай, жил зря. После распада Союза её отмечали с особым настроением: истинные коммунисты и их дети садились у телевизора, ругали власть и вспоминали резко посветлевшее прошлое. Отныне натуральные хозяйства крестьян-единоличников и горожан, сбжавших от надвигающегося капитализма, держались только именами Ленина и Сталина. А кого ещё можно было противопоставить Горбачёву, Ельцину и своре косноязычных жутко далёких от народа политиков? В Бога ещё верить не привыкли, а в вождей не отвыкли.

Дата резкого исторического разворота перестала быть выходным днём. Новые власти чурались любой связи с советским прошлым. А что делать русскому народу, если три поколения его в начале ноября праздновали и веселились?

Сергей и Людмила Воробьёвы вырвались в деревню на выходные, а на седьмое, которое выпало на понедельник, взяли отгул. По этому случаю глава семейства Расторгуевых – дядя Егор – заколол барашка, его жена Марина напекла пирогов, и все готовились праздновать с выпечкой, самолепными пельменями и бутылкой самогона. Но тут дядя Егор, хозяйство которого всегда строилось по принципу «что хромает – то идёт», вдруг вспомнил, что он не убрал на зимовку пчёл. Надеялся достроить омшаник, но осенние хлопоты навалились все разом, морозить стало уже с конца сентября, а в середине октября выпал снег. До сего дня улей стоял в предбаннике, но это же не по-хозяйски, помёрзнут. Решили перенести его в подвал.

– Давай-давай, – кричал Сергей, подгоняя Егора. Улей хоть и весит не более 60 килограммов, нести его неудобно, прихватиться не за что.

– Что давай? – огрызнулся Егор. – На вот, иди вперёд, я тебе место уступлю! Не чуешь что ли, какую гробину тащим?

Сергей, конечно, не чуял. Его рост сантиметров на двадцать превышал рост Егора. По законам физики вся тяжесть ложилась на руки хозяина. Гость пожал плечами и поменялся с Егором местами. У крыльца Сергей поскользнулся и упал. Следом на него улей. Мужчина выругнулся. В ящике послышался тревожный гул. Егор упал на улей следом.

– Чай, смотреть под ноги надо!

– А я не смотрел что ли? – отозвался Сергей и поспешил поменять тему. – Ого они там! я думал спят...

– Ага, спят. Они там мёд жрут, да «интернационал» поют. Всё! Хватит валяться, понесли уже!

И мужчины снова поменялись местами, преодолели крыльцо, сени, внесли в дом. Но в подвал улей влезать не хотел никак. Крыша застряла в проёме. Сергей развернул ящик и стукнул по ней кулаком.

– Раз, два, три! Давай, тащи! – улей погрузился в подвал. Егор стал тянуть его изо всех сил. Крышу пчелиного домика приподняло. Несчастные насекомые, разбуженные падением улья, а затем ударами Сергея, полетели на свет. Сотнями.

Женщины побросали пельмени и с криками побежали на улицу. Дети играли в комнате,

– Костя! Света! Юля! Быстро из дома! – кричала Марина, из дверного проёма. У неё с детства аллергия на пчёл. Вынести своих детёнышей из избы, захваченной полосатыми разбойниками, она не могла. Женщина открыла дверь и ждала, когда дети сообразят, что произо-

шло. Дети выбегали одетые, как при пожаре: у первого валенки обуты неправильно, другой – без штанов, у третьего – вообще одна нога босая.

Тем временем пчёлы разлетелись по всему дому. Как пьяные матросы, разбуженные выстрелом «Авроры», они бились о стёкла, тыкались в стены, падали на пол и, конечно, жалили всех, кто попадался на пути. Кошка Муська, ждавшая на кухне кусочек мяса, сначала было решила, что вот он – её звёздный час. Женщины убежали и оставили фарш с уже слепленными пельмени на столе. Кошка прыгнула на стол и с теста прикатила к морде начинку. Но потом две пчелы поочередно сели ей на нос. Муська мяукнула и пулей понеслась в подвал. Пока Сергей отбивался от насекомых, Егор протолкнул улей на кухню, выскочил, накрыл его крышей, и вместе с товарищем побежал из дома. Да, освободить избу от пчёл, это не Зимний дворец от матросов, но, безусловно, годовщина революции приобрела героическую окраску.

– Ну, у тебя и рожа! – смеялся под дверью, взглянув на Сергея, Егор. Один глаз его мгновенно закрылся от укуса, щека распухла, на лбу набухла шишка.

– Рожа-рожа – передразнивал Сергей. – А ты, сучий потрох, не видел, что у тебя улей в подвал не пролезает?

– А ты на что?

– Да, хороший хозяин, померил бы сначала! – Сергей снял с рукава сонную пчелу и прижал её к щеке Егора. Егор вскрикнул.

– Дурак что ли? – Он сжал кулаки и грозно двинулся на гостя.

– Теперь и ты понял, что такое пчёлы, – Сергей отбежал на безопасное расстояние.

– Дебил, – уже мирно сказал Егор, вытаскивая из щеки пчелиное жало. Сергей потрогал глаз, пощупал лоб, затем щёку и начал хохотать. Егор рассмеялся, глядя на его.

– Чёрт! Надо же так!

– Да, чуток не рассчитали.

– И что теперь?

– А хрен его знает. Надо к пчеловоду идти, у которого я пороек брал.

– Может, дихлофосом их? – предложил Сергей.

– Вот своих заведёшь – и дихлофось. А мне пчёл сохранить надо. Знаешь, сколько я мёда накачал?!

Сергей поправил шапку и вслед за хозяином вышел на улицу. Он зачерпнул в пригоршню снега, слепил комок, приложил его к брови. Сразу стало немного легче.

2.

Сосед-пчеловод – дядя Миша – выпросил все детали ЧП, а потом начал безудержно смеяться.

– Хорош ржать! – возмутился Егор. – Не вижу ничего смешного! – Сергей всё это время вовсе стоял в стороне, чтобы не показывать старику опухшей физиономии.

– Всё, всё! – говорил сквозь слёзы дядя Миша. – Только один вопрос. Слушай, так ты реально в подвал их хотел убрать?

– Да. Ты же сам мне сказал!

– Ой, не могу! – дядя Миша залился смехом пуще прежнего. – Держите меня семеро!

– Дядя Миша, я тебе сейчас по морде дам, – обиделся Егор. – Сам научил, а теперь ещё и издевается. Может, ты специально эту диверсию продумал?! – дядя Миша сел на приступки и закрыл лицо руками, хохоча и вытирая слёзы, выступившие от смеха. – Сраный Троцкий! Щас я тебя проучу.

– Всё, всё! – дядя Миша примирительно вытянул вперёд руки. – У тебя дымарь-то сохранился?

– Сохранился.

– Надо их сейчас в одно место согнать, а потом на совок и в улей. Только ты это... сначала окна покрывалами закрой. Надо им ночь устроить.

– А ты опять не шутишь?

– Да, что я, белены объелся?

– Одевайся! Вместе пошли, – дядь Миша вздохнул, исчез за дверями, потом через пять минут появился в фуфайке с пчеловодческой сеткой и дымарём. Дойдя до Сергея, который мялся посередине тропинки, он пожал ему руку, но говорить о его внешнем виде не стал. Не пчеловод что ли? И с самим всякое бывало.

Проникнув в дом, мужчины первым делом вынесли оттуда съестное, электроплитку и недоделанные пельмени. Женщины и дети сидели в бане. Стало ясно, что до полной победы над противником семейство будет ютиться там. Пчёлы всё ещё зверствовали. В тепле они проснулись и сновали из комнаты в комнату в поисках пыльцы. На то, чтобы их собрать, мужчинам потребовалось около трёх часов. Всех-не всех, но большую часть пороюка собрали и вернули под крышу улья. К счастью, Егор вовремя закрыл её, и матка не успела вылететь и вывести за собой остальных.

– Ну, что дальше, дядь Миш? – Егор присел на табурет и смотрел на одинокую пчелу, застывшую на покрывале.

– Дальше убирать их надо. Хочешь, ко мне в омшаник отнесём?

– Не, а весной снова их волочить? Тяжело же. А, может, в подвал?

– Можно и в подвал. Только как же туда убрать? Вы же уже пытались.

– Осторожно.

В этот раз в подвале сидел Сергей. Егор аккуратно поворачивал улей, и ящик всё-таки убрался, не задев краёв окошка. Пчелиную революцию подавили три покусанных диктатора. Дядя Миша ушёл, Сергей и Егор посмотрели по сторонам – требовалась изрядная уборка. Выпуская дым, которым собирали пчёл, открыли двери, и в избе стало не больше трёх градусов тепла.

– Мужики! Вы всё? – заглянула в избу Людмила. – Есть пошли. Уже три раза всё остыло.

– И то, правда, – отозвался Егор. – Жрать хочетсяяя!

Мужчины встали и вышли.

3.

В бане было тепло и пахло едой и вениками. В нескольких половицах зияли дыры, прогрызенные крысами. На пологе расстелили белый мешок из-под сахара и устроили целую поляну: соленья, пироги и пельмени. Три скамейки расставили по бане так, чтобы каждый мог подойти к яствам. Дети уже наелись и играли на полу.

– Марин, а дай бутылочку. Ты же прятала. Знаю, где-то в бане лежит, – Егор жалобно посмотрел на жену. Она встала, достала из-за печи бутылку самогона и подала мужу.

– Смотри, только в честь праздника.

Самогон налили в литровый ковш, которым Марина обычно черпала кипяток.

– Ну, за успешный исход дела! – сказал Егор, отхлебнул и передал свою чашу Сергею. Сергей зачем-то левой рукой перекрестил самогон, отхлебнул и передал Людмиле.

– Закусывай, закусывай! – торопила Марина. Все дружно навалились на еду, повеселели, глаза стали добрые и посоловевшие. Через пять минут в бане зазвучал «Интернационал».

– Вставай, проклятьем заклеимённый,

Весь мир голодных и рабов! – пел Егор. К его баритону подключился бас Сергея.

– Кипит наш разум возмущённый

И в смертный бой вести готов.

Дальше уже и женщины не стерпели и продолжали вместе с мужьями:

– Весь мир насилья мы разрушим

До основанья, а затем

Мы наш, мы новый мир построим,

Кто был ничем, тот станет всем! – дружно пели собравшиеся.

– Вот, Егор, хорошо вам, – прервался Сергей, – сидите в деревне не видите, что в стране творится. Вот это вот – «кто был никем, тот станет всем» – задолбался смотреть! Всякий третий безмозглый урод, двоечник, новым русским становится, «Жигуль» покупает.

– А тебе-то что, Серёг, завидно? – откусывая огурец, подзадорил гостя Расторгуев. Сергей отхлебнул из ковша, занюхал рукавом и сквозь слёзы продолжил.

– Я, Егор, честный работяга. Ты знаешь. Двадцать лет на одном заводе, пока его эти суки не распродали. Мне за державу обидно, Родину дербанят! – женщины переглянулись и, точно по команде, затаили:

– С чего начинается Родина?

С картинки в твоём букваре.

С хороших и верных товарищей,

Живущих в соседнем дворе... – мужчины тоже подключились и дружно подвывали. Не всегда к месту, но всегда старательно. На колени залезли дети и тоже запели. Каждый из этого кружка чувствовал себя подпольщиком, надеясь, что однажды коммунизм победит и всё, что с ними происходило, приобретёт особый смысл. Под потолком качалась паутина. В печке трещали дрова. Из тёмных углов выглядывали длинноногие поганки, которым в бане было и тепло, и влажно.

декабрь 2017 г.

ВЕЛЕСОВ ХУТОР

1.

Максим не отрывал глаз от дороги. Каждый шаг давался с трудом. Прошлогодня трава спутывала ноги, а грязь скользила и хлюпала. Это летом здесь сухо и можно рассматривать синие и туманные дали. В мае путь до Велесова хутора осилит лишь тот, кому это действительно нужно. Максиму – четырнадцать. И ему нужно. Их корова пропала два дня назад. После безрезультатных поисков родители решили, что найти её может только колдун с болот. В одиночку на хутор не пройдёшь: нужно знать заповедные тропы. Вот и Максима отправили с тёткой Агрофеной. Эта красивая сорокалетняя вдова часто бывала у Петра Ивановича. То погадать сходит, то по доброте душевной продуктов ему отнесёт. Говорили, что упрасивала старика передать ей дар, только он баб в ученицы не брал. Дескать, тяжесть его знаний достойно вынесет только мужчина.

Ветер шумел клейкой молодой листвой. Щebetали иволга и певчий дрозд, а в чаще леса между молодых берёз перекликались зяблики. Под старой коренастой сосной тётка Агрофена предложила отдохнуть. Максим заметил, что это место не однажды использовали для привала: к осиновым пням была приколочена ива, образуя что-то вроде скамейки. В траве под берёзой он увидел скомканную пачку из-под «Беломора» и битые бутылки.

Путники сели и поставили в ногах корзинки с подарками.

– А, расскажи мне про колдуна? – начал Максим. – Какой он?

– Какой... – Агрофена задумалась. – Он другой. Таких людей давно не стало. – Максим пожал плечами.

– Ну, представь, что на землю нашу напал враг. Что ты сделаешь?

– Чё думать-то? Возьму автомат и пойду воевать, – Агрофена улыбнулась.

– Вот. А Пётр Иванович такие слова знает, которые могут страх нагнать на любого врага и оружие не потребуется. И не то что воевать, они к нашим границам даже не приблизятся, – женщина подняла лицо к солнцу и от удовольствия прикрыла глаза. Ветер обдувал пряди волос, выпавшие из-под платка. По фуфайке ползла божья коровка.

– Что-то сказки какие-то..., – Максим недоверчиво посмотрел на Агрофену. Она открыла глаза и с раздражением в голосе спросила.

– Вот видишь. Ты не веришь. А раньше в этом никто не сомневался, и потому это работало.

– Ну, допустим. А как он видит про людей всё?

– Это совсем просто. Сам поймёшь. А, если не поймёшь, я тебе на обратной дороге расскажу. Только смотри за ним внимательнее, – Максим вошёл в азарт.

– И что, он всё знает?

– Всё.

– И обмануть его нельзя?

– Ещё никому это не удавалось.

Агрофена вынула из корзинки банку с водой, отпила. Предложила Максиму, но он отказался. Очень ему захотелось колдуна провести. Быть такого не может, чтобы старик всё про всех знал. Под предлогом, что ему надо отлить, Максим забежал за сосну и во мху под корягой спрятал десяток яиц. Он решил, что для старого колдуна много двадцать штук, и на обратной дороге он их прихватит. Если же Пётр Иванович каким-то волшебным образом про это прознает – в чём Максим сильно сомневался – то не такой уж это и грех.

Остаток дороги тётка Агрофена с жаром рассказывала про чудеса лесного колдуна, и Максим уже не сомневался: каждое её слово – чистый вымысел.

2.

Дом Петра Ивановича возник внезапно, точно выскочил из-под земли. Всё ёлки, да берёзы, берёзы, да ёлки. И вдруг на пригорке за плотной стеной деревьев появилась поляна с лесной избёнкой. У неё, как в сказке, даже курьи ножки имелись: жилые ярусы находились на семиметровых металлических сваях. Назначение конструкции для Максима осталось тайной: то ли весной вода заливала поляну, то ли от грызунов. Колдун перед избой сидел на солнцепёке и рубанком сглаживал бока новенькой лодки. Это был коренастый мужик лет шестидесяти. Выглядел он совершенно заурядно, если не считать густой седой бороды и разноцветных глаз – один серый, а другой зелёный. Из-под фуфайки торчала клетчатая рубаха. Рабочие тёмно-синие брюки, какие носили мужики с фермы, и обычные резиновые сапоги. В них, уткнувшись носом, спала молодая красивая лайка. Она попыталась вскочить и принять гостей, как это у собак положено, но дед прикрикнул на неё. Пси́на послушно положила голову на лапы и хитро сощурила глаза, как бы намекая, что следит за пришедшими и расслабляться нельзя.

«Интересно, – подумал Максим, – куда ему лодка? Здесь же до реки километров пять. Или есть другая река? Ладно, потом спрошу». Старик даже не взглянул на Максима. Недолго обсудили с Агрофеной деревенские новости, потом ушли в избу.

– Подожди здесь, – сказал колдун. – Мы недолго.

Максим обошёл всю поляну. За избой он нашёл кострище, выложенное камнями и черепа животных, на кольях. Похоже, что коровьи, поскольку торчали рога солидной длины. На берегу маленького пруда лежали белые кости, напоминающие человеческие. Всё было странным, но не пугающим. Максим сел на скамейку под ракитовым кустом и стал слушать птиц. Слева, в лесу, точно суетливая баба, причитала кукушка. Справа, с болота, слышался нервный стук чёрного дятла. Шелестели сухие травы. По ним перелетали бабочки-крапивницы. Очень скоро парень погрузился в сон, но минут через двадцать его разбудили шаги тётки Агрофены.

– Зовёт, – сказала она с блаженной улыбкой на устах. «Вот, сумасшедшая, – подумал Максим. – Она серьёзно верит в эти бредни?»

Поднявшись по сухой скрипучей лестнице на высокое крыльцо, Максим впервые за день увидел невероятную прелесть этих мест. За жидкими верхушками болотных деревьев в каком-то километре от хутора разлилось огромное озеро. Оно было синим-синим, и, судя по всему, питалось мелкими ручьями и речушками. С севера озеро закрывал высокий сине-зелёный холм с жидкой растительностью, а по берегам стелился розоватый кустарник. Про это озеро не знали ни родители парня, ни охотники, ни даже дед, который жил километрах в пяти отсюда.

Максим открыл дверь в избу. На него пахнуло травами и вощиной. В полумраке у печи в рубашке и чёрном войлочном жилете сидел Пётр Иванович. На столе стоял медный таз, а рядом – кувшин с родниковой водой. Под потолком на верёвках висели травы и снадобья. Они почти перекрывали мутное зеркало в простенке между окнами. Лежанка на печи была прикрыта заячьим тулупом, а в углу над сундуком висело охотничье ружьё.

– Садись, – приказал старик. – Давай руки.

– Как давать? – не понял Максим.

– Протягивай их ладонями вверх над тазом.

Максим подчинился. «Любопытно, – думал парень. – Он что же, по ладоням моим читать будет?». Колдун закатал парню рукава и взял кувшин с водой. Затем он стал медленно лить из него на ладони, нашёптывая заговор.

«Вода-водица, небесная царица,

С неба пришла, в землю ушла,

Вода-водица, земляная царица,

Из земли пришла, на небо ушла...»

Струйки воды стекали по рукам и мелодично ударялись о стенки таза. Максим рассматривал старика. Суровый дед. Табаком несёт от него, как от Тараса Бульбы. Ручищи большие,

жилистые. На правой – татуировка. «Эх, неудобно кувшин держит, не рассмотреть, что там. Вроде, летописец, а, может, и нет», – Максим следил за каждым действием колдуна, стараясь понять побольше и про него, и про его метод. По рукам было заметно, что колдовством Пётр Иванович занимался не всю жизнь, было в ней место и физическому труду. Наконец, вода закончилась. «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!» – старик перекрестил воду. Затем подал Максиму полотенце с колен, и тот вытер руки. Пётр Иванович склонился над тазом и стал смотреть на дно. Парень сделал то же самое, но видел только воду и отдельные капли на красно-коричневых стенках.

– Стоит ваша корова на брошенной ферме возле кучи старой соломы. Там найдёте и её, и телёнка.

– Ничего себе! А как вы это увидели?

– Посмотрел и увидел, – ответил старик.

– Так я тоже смотрел, но ничего не увидел, – не отступался Максим.

– А ты и не хотел увидеть.

Максим хотел ещё много всего спросить, но вместо этого встал, поблагодарил колдуна и подал ему корзину с яйцами и пирогами. Он слегка поклонился и поставил корзину на скамейку к печи.

– Ещё передай отцу, чтобы ногу правую берёг. Смотрел, куда вступает. А тебе..., – Пётр Иванович помолчал. – тебе желаю остерегаться своего неверия. Следует его оставить там, где положил.

Максим ещё раз поблагодарил и вышел на улицу. На крыльце он снова задержался, чтобы посмотреть на озеро. По небу плыли кучевые облака. Заметно похолодало. Колдун вышел следом и встал тут же, опершись локтем на перила. В руках у него была трубка, из которой он вычищал и бросал по ветру перегоревший табак.

– Понял, зачем лодка?

– Понял. А там хорошо клюёт?

– У меня всегда хорошо клюёт, – улыбнулся старик, показав парню свой желтозубый рот.

– А что это там такое по берегу?

– Багульник цветёт. Чувствуешь воздух сладкий? Это из-за него.

Из-за дома вышла тётка Агрофена. Ветер, как парус, раздувал её цветную юбку. Женщина остановилась, чтобы перевязать платок. Рука с гребнем собирала непослушные пряди и укладывала их в пучок. Старик обернулся на тётку Агрофену, чуть заметно свернул глазами и сглотнул.

– Ну, что Максимка, всё узнал?

– Всё, – отозвался парень и спустился с крыльца. Пётр Иванович, не торопясь, так же сошёл на землю. Он достал кожаный кисет, набил трубку и стал раскуривать. Тётка Агрофена стояла молча, глядя на колдуна, как добыча на ястреба. Максима тем временем атаковала лайка. Она ластилась, легонько кусала, пыталась уронить парня с ног. Вероятно, она считала его большим щенком, который любит играть в догонячки.

Колдун глубоко затянулся. Тётка Агрофена протянула руку.

– Пойдём мы. Спасибо, Пётр Ива..., – старик стиснул её ладонь. Тётка Агрофена покраснела и прикрыла глаза. – ...ныч. Только ты всегда всё знаешь.

– Кхе-кхе-кхе, – колдун закашлялся. – Я ничего не знаю, – сказал он еле слышно и отпустил руку женщины.

– Максим! – неестественно громко крикнула она. – Пошли.

Парень вырвался из объятий собаки, поправил фуфайку и подбежал к проводнице. Тётка Агрофена, ни разу не оглянувшись, скорым шагом пошла по тропинке. Старик долго стоял на поляне и разбавлял пряную весну горечью табачного дыма.

3.

До места привала Максим, не умолкая, расспрашивал Агрофену про колдуна. Она напротив – была молчалива и задумчива. И всё-таки парень сумел выпытать, что в роду Петра Ивановича все мужчины – колдуны. Тайную силу он получил от деда, а тот от своего деда. Вот только передать оказалось некому – семьи Пётр Иванович не создал, поскольку полжизни мотался по лагерям. Впрочем, сметённый дух Максима пока не знал, поверил он в эту чертовщину или сомневается. Корову ещё не нашли, про яйца старик не догадался, то, что про лодку поговорили, так это и совпасть могло...

Пока Агрофена отдыхала под сосной, Максим отошёл к коряге, где сделал схрон. Он поспешно отодвинул сухие ветки и в ужасе отпрыгнул назад! По яйцам ползали гадюки. Они лежали под ветками, прижавшись к скорлупкам холодными чёрными животами. На крик парня прибежала тётка Агрофена. Она увидела змей и сразу всё поняла. Женщина обматерила Максима, взяла его, как маленького, за руку и повела в сторону деревни.

4.

Корову нашли в указанном месте. Телёнок за три дня подрос и сам бежал до дома.
март 2018 г.

ОДНАЖДЫ В ДЕРЕВНЕ

I.

Новогодние каникулы получились весёлыми. Мужики «отдыхали» с двадцать пятого декабря до девятого января, как говорят, не просыхая. В пьяном угаре практически незамеченной произошла смена лет. Михалыч только помнил, как Паша-леший, вытаскивал его из-за печки, чтобы выпить «вместе с президентом». У них в деревне это так называлось. Володя употреблял не больше их, но и не убавлял. После тоста «За Путина! За хорошую жизнь!», он сбегал к себе за припрятанной «сливянкой» и банкой огурцов, их закатывала ещё его благоверная.

Изба, где гуляли деревенские холостяки, стояла на отшибе, но их песни были слышны далеко за пределы Борисцева. Весёлая жизнь продолжалась до восьмого. Восьмого Володе стало плохо. Он пожаловался Паше-лешему на сердце, но его товарищ только сказал: «Слабак!», и подал с холодильника таблетку валидола. На следующий день Володе стало ещё хуже. Он сказал: «Братцы, помираю, вызовите мне «скорую»!». Мужики напугались, губы заболевшего были синими. С горем пополам, Михалыч на мобильном набрал местных медиков.

– У нас тут человек умирает, сердце, синеть начал.

– Да, ладно, пить надо меньше, алкоголики проклятые

– Аллэ! Вы что, говорю вам, человек умирает! Жаловаться буду!

– Много вас сейчас таких «болящих». Ладно, давай, где умирает.

– Деревня Борисцево, последний дом в улице

– Чё? Деревня? А у вас хоть дороги-то чищены? Как ты представляешь, фельдшер к вам будет добираться? По сугробам три-то километра от трассы?

– Говорю вам, умирает! Вы обязаны! – срывался на крик Михалыч.

– Не ори на меня! Сейчас сообщу, если фельдшер пойдёт, то ждите. Пока дайте ему что-нибудь. Есть таблетки-то?

– Да, давали уже...

– Дайте «нитроглицерина» ещё... Лёжа, пусть примет, – сказала женщина и повесила трубку.

Михалыч, уже почти протрезвевший от страха и гнева на эту барышню, посмотрел на Володю. Тому лучше не становилось.

– Эх, дружище, держись, они это, приедут... Паш, беги к Таньке, скажи, таблетки от сердца нужны!

Через десять минут Паша-леший прибежал с горстью различных лекарств, среди которых нашёлся и «нитроглицерин». Володе под ноги, по совету соседки, положили свёрнутую фуфайку, под язык дали таблетку. Минут через двадцать Володя сказал:

– Мужики, позвоните ещё раз, что там, едут? В груди жжёт. Скажите, всё, помираю...

Михалыч, предварительно выпив рюмку самогона – для смелости – набрал «ноль три».

– Это снова из Борисцева. Что там фельдшер, скоро ли будет?

– Ох, неугомонные. Скоро, скоро. Выезжают они. Ты, это самое, скажи, где там к вам пройти?

– Передайте, от указателя там тропа «вершённая», пусть по ней прямо.

– Хорошо, передам. Оно, конечно, лучше бы было, если бы встретили...

– Это да, да, сейчас прибежим. Только пусть они быстрее, плох он..., – уже почти умоляя, произнёс Михалыч.

– Хорошо. Пип-пип-пип... – заговорил с ним электронный голос.

Михалыч был знаком с Володей последние пять лет. С тех пор, как бывший учитель истории поселился с женой в деревне. Супружницу его прибрало три года назад, какая-то онкология, Володя не любил про это говорить. Сам же учитель с тех пор крепко запил, что интеллектуально разнообразило компанию Михалыча и Паши-лешего. Нашёлся – третий. Они всегда рассуждали о политике, истории, роли человека в России и мире, почему развалилась деревня. То ругали, то хвалили власти – это зависело от размера прибавки к пенсии, вместе ходили по грибы и варили самогон. Иными словами – были друзьями. И сейчас Михалыча сильно потрясло происходящее. Он не хотел верить, что Володя умрёт, тот почти никогда не жаловался на здоровье, а хамское отношение «скорой» пробуждали в мужчине дух «воина».

– Ух, я им! Они у меня попляшут! Володь, ты это, держись... только держись... Как от таблетки? Полегче?

– Неа. Что-то мне совсем худо, Михалыч. Говорила мне покойница, не пей. Вот, сегодня опять от неё то же выслушаю. Помру, скажет мне укоризненно: «Я же тебе говорила!». Михалыч... похоронные-то мои в шкафу, в коробке из-под обуви. Там должно хватить... И пиджак мой там же, найдёшь...

– Тьфу, ты! Не помрёшь, едут врачи. Давай-ка, Пашка, сбегай, встреть фельдшерицу, а то не найдут дорогу. Наши медики могут.

Пашка, не застёгивая тулуп, быстрым шагом вышел из дома.

– Володь, держись! Сейчас мы...

Но Володя, хоть и хотел держаться, не мог. Ещё минут десять он стонал. Потом захрапел и отдал Богу душу. Михалыч долго тряс усопшего: «Володя! Вовка! Ну, что ты! Ты это брось!», – но тот почему-то не хотел оживать. Через полтора часа Паша-леший привёл фельдшера. Он нёс чемодан, а женщина, шла следом, поминая нехорошим погоду, мужиков-алкоголиков и президента, устроившего такие длинные каникулы.

– Ох, знал бы, как вы мне надоели. Пьют – и мрут, пьют – и мрут... Каждый Божий день... Он опился – а ты беги, по этим сугробам, по морозу...

– Ладно, гундеть-то... Ты за это деньги получаешь, – довольно смело высказался Паша, ведь фельдшер ему в дочери годилась.

– А ты мои деньги не считай!

– А ты жить не учи. Не от хорошей жизни пьём...

Войдя в избу, Паша и фельдшер увидели Михалыча, сидящего на полу, утирающего слёзы. Володя лежал на кровати в неестественной позе, с перекошенным лицом.

– Поооооооо... – выл Михалыч. – Что ж вы, суки, так долгоооо...

Женщина подошла, потрогала пульс.

– Умер. Давно? – равнодушно спросила фельдшер.

Ответа не последовало. Женщина у Паши-лешего спросила имя покойного, чтобы оформить вызов, что-то записала в своей книге.

– Ну, вот и всё. Ты меня проводишь? – обратилась она к Паше.

– Сама дойдёшь, стерва, – с сердца сказал Михалыч.

– Алкаши! – крикнула фельдшер и хлопнула дверью.

II.

Через час в доме Паши-лешего собрались женщины. Они причитали, ругались и ругали. В избе пахло самогоном, закисшими огурцами и сырыми стенами. Суеверные чувствовали запах смерти, но отгоняли эту мысль прочь. Самая активная – Татьяна, некогда работавшая ветеринаром на ныне развалившейся ферме, руководила селянами.

– Так, воду погрели? Где тазы? Пашк, тряпки неси!

Бабы сустились, нужно быстрее обмыть тело, пока оно не окоченело. Михалыч принёс костюм и рубашку с галстуком. В них когда-то Володя вещал школьникам про крепостное

право и Великую Отечественную. Потрепанные ботинки мужчина нашёл в той же коробке, где и «похоронные». Двадцать тысяч. Этого должно было хватить на гроб, пару венков и помин доброго товарища. Единственную дочь Володи задавила машина, когда ей было двадцать пять. Внуков не было. Близких родственников – тоже. Но, чтобы очистить совесть, Михалыч взял мобильный и зарядник учителя: изучить список контактов. Уже у ворот мужчина озадаченно остановился. На него кинулся с лаем Снежок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.